

«ЗАБЫТЫЙ» АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

«Теперь Вельтман забыт, но в свое время он был популярнейшим из беллетристов, произведения которого ждали с нетерпением и встречали с шумными приветствиями появление их в печати. Читатели и критики выделяли Вельтмана из толпы беллетристов наряду с Марлинским, Загоскиным, Лажечниковым, видя в них чуть только не классиков русской прозы», — писал известный советский литературовед В. Ф. Переверзев в 1965 году. Стоит нам ознакомиться с критическими отзывами середины или конца прошлого века, начала или середины нашего, и мы встретим почти те же самые слова о «всеми забытом» Вельтмане. «В истории русской литературы нет другого писателя, который, обладая в свое время такой популярностью, как Вельтман, так быстро достиг бы полного забвения», — констатировал один из исследователей в 1926 году.

И дело здесь, конечно же, не в повторах, а в устоявшихся мнениях, которые действительно переживают века, обладая поразительной жизнеспособностью. Литературная судьба Александра Фомича Вельтмана (1800—1870), писателя пушкинской поры, в этом отношении, пожалуй, наиболее характерна. Уже при жизни он попал в число «забытых», и ничто, даже такое значительное произведение, как «Приключения, почерпнутые из моря житейского», созданное в последние годы жизни писателя, не смогло вырвать его из этого небытия. История, казалось, вынесла свой приговор — окончательный, обжалованию не подлежащий. И этот приговор со-

хранял свою магическую силу более столетия. Только сейчас мы уже поостережемся причислить его к забытым, а если и назовем таковым, то с неизменной оговоркой, что он принадлежит к числу писателей, прославившихся при жизни, забытых последующими поколениями и вновь возвращающихся на литературную авансцену, чтобы уже обрести полное признание». Так писал в 1977 году Ю. М. Акутин, благодаря которому во многом и произошло «возвращение» Александра Вельтмана, одновременно с подобным же возвращением и Марлинского, и Загоскина, и Лажечникова, и многих других писателей, книги которых в 70—80-е годы XX века стали выходить в разных издательствах страны массовыми тиражами. Так что в данном случае мы имеем дело не с единственным фактом, а с одним из характернейших явлений именно нашего времени, нашего постижения и восприятия классического наследия.

Александр Вельтман уже вошел в число писателей, «вытесненных из небытия» именно нашим временем. Но, помимо уже переизданных произведений, в его творческом наследии есть один из первых в России социально-утопических романов «МММCDXLVIII год. Рукопись Мартына Задека», научно-фантастический роман — тоже один из первых в русской литературе — «Александр Филиппович Македонский», романы «Лунатик», «Сердце и Думка», «Новый Емеля, или Превращения», драмы, стихи, поэмы. Особое место в его творчестве занимают исторические романы «Кощей бессмертный», «Светославич, вра-

жий питомец», а также повесть «Райна, королева болгарская», стоящие у истоков русской исторической романистики.

«Кощей бессмертный» вышел в 1833 году, «Светославич, вражий питомец» — в 1835-м, в годы появления целой вереницы русских исторических романов, повестей, драм. Ни до, ни после мы не встретим уже такой картины, когда в течение одного десятилетия — с 1826 по 1836 год — появились: «Борис Годунов» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Юрий Милославский» и «Аскольдова могила» М. Н. Загоскина, «Клятва при гробе господнем» Н. А. Полевого, «Последний новик» и «Ледяной дом» И. И. Лажечникова, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, исторические произведения многих других беллетристов. И омане Александра Вельтмана тоже уже традиционно принято причислять к историческим, предвывая к ним и все соответствующие требования этого литературного жанра. Так было в прошлом столетии, когда С. П. Шевырев, М. П. Погодин и другие историки указывали Вельтману на исторические несоответствия в его произведениях, и так, по сути, продолжается поныне в постоянных оговорках, что эти романы «далеки от исторической правдивости». Но все дело в том, что подобное жанровое определение не совсем точно. Все встанет на свои места, если мы попытаемся рассмотреть эти произведения как фольклорно-исторические, то есть с учетом фольклорной поэтики как своеобразные романы-сказки.

А для этого есть все основания, если вспомнить, что 20—30-е годы — это время появления не только исторических ро-

манов, но и сказок Ореста Сомова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, В. И. Даля и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Интерес к фольклору — одна из важнейших особенностей не только русского, но и европейского романтизма, противопоставлявшего классицизму идею обращения к народному творчеству, обретение национальных черт через народное творчество. Романы Вельтмана тем и отличались от «Аскольдовой могилы» М. Н. Загоскина или же «Клятвы при гробе господнем» Н. А. Полевого, тоже посвященных событиям древнерусской истории, что действие в них развивается сразу в двух планах — реально-историческом и сказочно-фантастическом. Отсюда жанровое и стилевое «смещение», которое Вельтман еще более подчеркивает смещением языковых стилей, всех норм и привычных пластов литературного языка и устной народной речи. Столь сложная стиливая и сюжетная вязь включает в себя и элементы пародии (рыцарских романов, исторических хроник, лубочной литературы), и гротеска, и сатиры, и мистификации — все это тоже присуще фольклорно-историческим романам Вельтмана.

Но, помимо «Кощей бессмертного» и «Светославича», у Вельтмана есть еще одно историческое произведение, тематически связанное с двумя предыдущими, завершающее своеобразную историческую трилогию писателя из эпохи Древней Руси, — это «Райна, королева болгарская», которая вошла в том же историческом произведении, ныне выходящий в издательстве «Современник».

«Райна...» впервые появилась в 1843 году в одном из самых массовых по тому времени изданий — «Библиотеке для чтения», но привлекла внимание лишь через десять лет, и не русской критики, а болгарских революционеров писателей, художников. В 1852 и 1856 годах «Райна...» вышла в Петербурге и Одессе в переводе на болгарский язык Елены Мутьевой, в 1856 году ее перевел и издал в Вене известный болгарский писатель Иоанн Груев, и тогда же, в 60-е годы, один из основоположников болгарского национального театра — Добри Войников создал на основе «Райны...» драму «Райна-нягня», которая многие годы с огромным успехом шла в Болгарии на профессиональных и любительских сценах. Но и это еще не все. Классик болгарского изобразительного искусства стал иллюстрировать «Райну...» созданные в 60—80-е годы знаменитым болгарским художником Николаем Павловичем и получившие широкое распространение в народных массах.

Болгарское, и не только бол-

гарское, но и все славянское Возрождение XIX века, национально-освободительная борьба в славянских странах и становление национальной литературы, искусства, науки самым непосредственным образом связаны с Россией.

А. Ф. Вельтман (а одновременно с ним В. И. Даль и А. С. Хомяков) впервые побывал в Болгарии еще во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов, поэтому и к легендарному походу древнерусского князя Святослава он тоже обратился далеко не случайно: в 971 году Святослав шел на Царьград тем же путем через Балканы, что и русская армия в 1829-м.

Сам поход Святослава в Болгарию был достаточно хорошо известен по летописным источникам, но Вельтман писал о том, чего в них не было и быть не могло, — о роковой любви Святослава и Райны, дочери болгарского царя Петра, трагически гибнущей в финале вместе с русским князем. Все это плод авторской фантазии...

Византия уговаривает Святослава обанжирить свой меч на «непокорных и насилующих Грецию болгар», Святослав соглашается, и в начале повествования он отправляется в Болгарию завоевателем. Но из завоевателя он превращается в освободителя, распутывающего кровавый узел придворных интриг, спасающего королевну Райну и ее брата. «Народ со всей Болгарии», — описывает Вельтман встречу Святослава, стонал в Преслава на великий праздник, на благодатную погоду после бури. Взоры всея слезились от радости, и на народе, как на облаке, отражалась радуга мира, знамение завета между Русью и Болгарией».

Нетрудно представить, как воспринималась эта сцена в Болгарии в самый разгар национально-освободительной борьбы. Освобождение Болгарии с помощью России началось, таким образом, историческое предопределение в событиях тысячелетней давности. «Эта история на средневековый сюжет», — отмечает современный болгарский исследователь, академик Николай Райнов, — помимо исторического содержания, близкого каждому болгарину, привлекла внимание еще и трогательным до слез сюжетом. Автор не следовал точно историческим фактам, но и болгарские читатели не были особенно придирчивы, да и сама болгарская история не была достаточно разработана». Привлекала сама идея повести — идея исторической освободительной миссии России, приобретавшая чрезвычайно актуальное звучание, находившая горячий отклик в сердцах болгар.

Необычная судьба «Райны, королевы болгарской» — один из примечательных фактов истории отечественной культуры. Но есть еще художественная значимость, равноценная или же не равноценная исторической. «Кощей бессмертный», «Светославич, вражий питомец» и «Райна, королева болгарская» Александра Вельтмана не утратили ни исторической, ни художественной значимости.

Виктор КАЛУГИН